

Глава 1

1

«Изменилось ли что-нибудь с тех пор?..»

От внезапного наплыва воспоминаний я прищурилась.

Причина, по которой я это вспомнила, не была какой-то особенной. Просто увидев, как мой учитель повесил голову, озаряемый со спины лучами заходящего солнца, я подумала, что так он очень походил на того себя из прошлого.

Обрести возможность делать что-то, чего ты не умел, – далеко не единственный способ измерить свой рост. Но учитель всё равно продолжал накапливать умения и знания, словно это было всё, что он знал. Поэтому-то в его жизни и было столько страданий. Но он никогда не бежал от этой мучительной жизни и не замирал на месте, съёжившись в страхе. Даже теперь я не могла понять, откуда же он черпал силу, чтобы идти дальше.

Мы были на холме.

Он находился с противоположной стороны от того места, откуда мы до этого наблюдали за Башнями Солнца и Луны. Непреодолимого запаха густо растущей травы было достаточно для того, чтобы задохнуться. Среди травинки и грязи скрывалось множество кроличьих нор, из-за чего было не так уж сложно поверить в то, что это место зачастую становилось сценой для знаменитых сказок. Даже в моём городке можно было найти несколько книг про восхитительного Кролика Питера и его семью.

С этого ракурса кроваво-красный цвет заходящего солнца, нависшего над туманом и лугом, создавал впечатление, что мир заменила собой какая-то далёкая фантазия.

Мой учитель стоял молча и что-то писал в своём блокноте.

«Ну что, начнём готовиться к предстоящей битве?»

После столь впечатляющего заявления он просто вернулся к своим наблюдениям.

Кстати, возможно, ситуация сдвинулась с мёртвой точки благодаря куску бумаги, который ему вручил Свен, потому что учитель то и дело поднимал голову от блокнота, чтобы обсудить детали дела с Райнес.

— Той, кто изначально обратилась к тебе с просьбой об убежище, действительно была Золотая принцесса, верно?

— Разумеется, уважаемый брат. Её невозможно было спутать с кем-то другим.

— А на следующее утро вы обнаружили тело в её комнате. Тайная печать была нетронута.

— Всё верно.

Таким образом он медленно приводил разрозненные кусочки информации в порядок.

После светской встречи, устроенной Изельма, Золотая принцесса пришла к Райнес в надежде найти убежище в семье Эль-Меллой и аристократической фракции Часовой башни.

Следующим утром, отправившись на встречу с ней, мы сначала нашли тело принцессы, разорванное на куски, а затем стали главными подозреваемыми. Вскоре было обнаружено тело Калины. Триммау, которая привела нас к ней, стояла рядом с кровью на руках, что побудило Изельма взять Тайный знак в заложники.

Учитель записал всё это в свой блокнот перьевой ручкой, стилизованной под грифона. Это была реликвия, оставленная главой семьи Эль-Меллой два поколения назад. Мой брат фактически отказался от всего имущества Эль-Меллоев, но при этом взял эту ручку. Это говорило о том, что она, должно быть, представляла для него значительный интерес.

Лёгкий запах чернил, витавший в воздухе, мне тоже нравился.

Как и запах сигар, он будто везде сопровождал его, являлся признаком его присутствия рядом. По какой-то причине, чувствуя это запах, я всегда могла успокоиться. Я не знаю, почему. Возможно, мой учитель вплетал в эти запахи какую-то магию, чтобы помогать разуму расслабиться, но мне не очень-то хотелось об этом спрашивать.

Вместе с этим раздался кое-чей неугомонный голос:

— Поэтому я и говорю, что убийца наверняка владеет бартитсу! (**Смешанное боевое искусство и система самозащиты, разработанная в Англии в 1898—1902 годах.**) Эту систему ничем не проймёшь! С её помощью можно выжить после падения с утёса или даже заставить человека взорваться! Стать невидимым или пройти сквозь стену уж точно было бы раз плюнуть!

— Что это за бредовая магия, о которой ты говоришь? Это вообще магия? Или просто боевое искусство?

— Бартитсу! Шерлок Холмс владел бартитсу, значит, профессор тоже может! Это навык любого детектива!

— Флат... ты говоришь, что наш профессор – всего лишь какой-то заурядный детектив?

— Эй, в настоящем бартитсу ещё и трость используется! Наверняка эта трость – катализатор для какой-нибудь магии! Значит, это боевое искусство наверняка разработали для магов! Оно не обрело популярность, наверное, лишь потому, что его зажала какая-то семья!

У них обоих были светлые волосы и голубые глаза, но впечатление они производили совершенно разное. Истеричные заявления первого рисовали его как молодого и наивного юношу, в то время как во втором была некая дикая красота.

Флат Эскардос и Свен Глашайт.

Даже в прославленном классе Эль-Меллоев эти двое возвышались над остальными на целую голову.

— Ко всему прочему, Шерлок Холмс – герой! Настоящая суперзвезда Лондона! Джек-Потрошитель тоже... но мне немного жаль его жертв.

— Не ставь нашего профессора в одну шеренгу с серийным убийцей. Первое и самое главное – будь то Шерлок Холмс или даже Наполеон, нашего профессора нельзя сравнивать с какими-то людьми, которые лишь слегка засветились в романах и истории!

Ну, да, нельзя сказать, что Свен во всём был прав. Мой учитель действительно считался настоящим героем среди нью-эйджеров, но дело было в том, что эти двое стояли в авангарде этого движения. И в то время как большинство очень надеялось просто оставить их на своё усмотрение, страх того, что их препирательства достигнут высшей точки и приведут к разрушению всего класса, был самым большим источником тревоги в нынешнем классе Эль-Меллоев.

Кстати, я сделаю что угодно, чтобы лишний раз не приближаться к Свену.

Если он раззадоривался и становился агрессивным всякий раз, когда видел меня, то я не могла придумать никакой другой причины, помимо того, что он почему-то ненавидел меня. Я привыкла к тому, что люди меня недолюбливают, но столь яростного неприятия было достаточно для того, чтобы вызвать у меня лёгкую грусть.

Не сомневаюсь, он то и дело поглядывал на меня во время разговора с Флатом только затем, чтобы пытаться держать меня под контролем.

— Подожди, это вовсе не так, — внезапно произнесла Райнес, сидевшая рядом. Подтянув колени к груди и положив на них голову, она словно наслаждалась собой, искоса глядя на меня. Лёгкая улыбка в уголке её губ несомненно указывала то, что сейчас она начнёт меня дразнить.

— Ч-что Вы имеете в виду?..

— Ну, сейчас ты наверняка думаешь что-нибудь, вроде «Свен, должно быть, ненавидит меня», не так ли?

Я резко дёрнулась от того, что меня так легко прочли, словно открытую книгу, и у меня перехватило дыхание.

— Мисс Райнес... Читать мысли не...

Я не успела закончить, как она прижала ладонь к губам, чтобы скрыть своё хихиканье.

— Мне это вовсе не нужно. Всё и так понятно по твоему лицу. Точнее, по тому, как двигаются твои глаза, как сложены ладони и пальцы. Ты считаешь себя необщительной особой, но на самом деле ты весьма разговорчива... по-своему. Я бы сказала, что в половину так же, как Адд.

— Эт-это... — после столь шокирующей оценки я не нашлась, что ответить.

— Хи-хи-хи-хи-хи! Я? Разговорчивый?! Да все знают, что я самый тихий, самый интеллигентный, самый изысканный кубик в мире!

Я изо всех сил старалась игнорировать голос, доносившийся со стороны моей правой руки.

К сожалению, Флат не стал следовать моему примеру и повернулся ко мне.

— А, Грэй! Можно мне поговорить сегодня с Аддом? Покажи его, покажи! Дай поговорить с ним! Дай разобрать его!

— Эй, не смей так непочтительно говорить с моей... с Грэй!

Парочка подходила к нам всё ближе, и я почувствовала, как у меня начали дрожать колени.

— А ну-ка утихи. И, Свен, не подходи к Грэй ближе, чем на пять метров, без необходимости, — раздражённо произнёс мой учитель.

И затем...

— Похоже, у нас гости.

Сказав это, он закрыл свою ручку.

— Вы что-нибудь выяснили?

Я ощутила, как этот пьянящий голос затуманил мои мысли.

Сквозь сигаретный дым и цвет заката я увидела фигуру той девушки. Даже её тень, создаваемая лучами заходящего солнца, казалась чем-то совершенно иным.

Возможно, тенью самого бога смерти.

— Серебряная принцесса, — обратился мой учитель к девушке в вуали.

В шаге за её спиной замерла горничная.

— Реджина...

Последняя из горничных-близнецов отвела взгляд, не проронив ни слова.

Вместо неё заговорила её хозяйка.

— Рада познакомиться с Вами, Лорд Эль-Меллой II. Весьма наслышана о Вас.

— Не думаю, что обо мне ходит много хороших слухов, — горько улыбнулся мой брат, и принцесса подняла голову.

Ветер как будто полностью остановился. Все звуки затихли, и даже цветы словно были очарованы её лицом. Своей внешностью, проглядывавшей сквозь вуаль, она слегка отличалась от сестры, но при этом, конечно же, всё равно была непостижимо прекрасна.

— Моя сестра... Вы узнали что-нибудь о смерти Калины и Золотой принцессы?

Этот голос ударил моему учителю прямо в голову.

Потрясающая красота его звучания поразила меня в самое сердце.

— Я хотел бы выразить свои глубочайшие соболезнования в связи с Вашей потерей, — ответил он с вежливым поклоном.

В его голосе чувствовалась безошибочная искренность. Может быть, потому что он знал, каково это, потерять кого-то. Что именно он потерял в той битве давным-давно? Даже если кто-нибудь сказал бы, что с тех пор он многое обрёл, хватило бы этого, чтобы заглушить боль?

— Однако именно поэтому я считаю, что найти настоящего преступника жизненно важно.

— Значит, Вы верите, что Ваша сестра невиновна?

— Да, — тотчас же ответил он.

Даже я остолбенела на мгновение. Серебряная принцесса, похоже, немного смягчилась.

— У Вас хороший брат, не так ли?..

— Да, это уж точно, — спокойно отозвалась Райнес и кивнула, тем самым указывая на то, что для неё за этими словами скрывался гораздо более глубокий смысл.

Когда Райнес вела себя так, я иногда думала, что ей будет лучше действовать и выражаться более ясно. Может быть.

Вслед за этим Райнес вновь произнесла:

— Могу я спросить, что случилось с Триммау?

— Если Вы про Объёмную ртуть, то мой отец тщательно спрятал её где-то.

— Хорошо. Позаботьтесь о ней, — глубокомысленно кивнула Райнес.

Она попросту не могла быть такой спокойной, какой себя показывала. Триммау была одним из самых важных Тайных знаков семьи Эль-Меллой, поэтому Райнес едва ли не чувствовала себя загнанной в угол.

Словно под угрозой невидимого ножа, над миром нависла странная нервозность. Если магия была порождением воли, то это само по себе могло быть другим видом магии. Древнее проклятие, известное всему человечеству, не зависящее ни от какого ритуала или магической основы. Слова и воля были незримы, и в этом и заключалось их таинство. Это и было движущей силой множества легенд среди тех, что не были связаны с магией.

Мой учитель вдруг пошевелился.

— Кстати, полагаю, это принадлежало Вашей сестре.

Сказав это, он извлёк из кармана предмет и показал его Реджине.

Ожерелье, инкрустированное камнем с изображением спирали. Глаза Реджины слегка расширились, когда она увидела запятнанное кровью украшение.

— Спасибо... Да, это мой сестры.

— На вид кельтское.

— Да. Когда она родилась, наша бабушка...

Словно охваченная ностальгией, горничная, похоже, потерялась в своих воспоминаниях.

Внезапно, всё мое тело охватил пронизывающий холод. Обвив себя руками, я окликнула учителя, словно в лихорадке:

— У-учитель...

— Хм?

— Да, я тоже это почувствовала. Он же, с его-то притуплёнными чувствами, вероятно, лишь ощутил лёгкую тревогу.

— Эй, следи за языком!

— Я была бы признательна, если бы ты не обижался на очевидное. Что более важно, мисс Серебряная принцесса, это, часом, не связано с барьером Изельма?

Принципиально говоря, барьер был «чем-то, что отделяет то, что внутри, от того, что снаружи». Если целью было что-то спрятать, то использовались барьеры высочайшего уровня, которые сами по себе невозможно было обнаружить. В конце концов, каким бы могущественным ни был маг, он не смог бы развеять барьер, о существовании которого даже не догадывался. Таким образом, невозможность их обнаружения была своего рода данностью.

Однако барьеры использовались и для другой цели.

Если в двух словах, то для защиты.

Барьер для защиты тех, кто находится внутри, от любого внешнего воздействия. Барьер, реагирующий на присутствие враждебного мага, был одним из таких. Самыми распространёнными являлись те, что извещали о присутствии враждебного мага, едва тот ступит на подконтрольную территорию.

Разумеется, какие-нибудь барьеры, раскрывающие мысли человека, на самом деле не существовали. Потому что в противном случае расследовать убийство, например, было бы совершенно необязательно.

Короче говоря, в данном случае магия как раз даже не пыталась скрыть себя от противника.

— Прошу меня простить.

Кратко попрощавшись, Серебряная принцесса резко развернулась и ушла.

— Профессор...

— Флат?

— Кажется, вон там, — Флат указал на подножие холма, в сторону ближайшего леса. — Похоже, что человек десять. Или двадцать... тридцать?

Способности Флата практически в любой области магии уже можно было назвать весьма выдающимися, но когда дело касалось магического обнаружения, то с ним никто не мог сравниться. И поэтому если от того, что он говорил, чаще всего отмахивались как от глупостей или бредней, то в таких случаях даже мой учитель придавал огромное значение его словам.

— Если их там так много... то, значит, кто-то решил напасть на Изельма? Сейчас? — в словах Райнес отчётливо чувствовалось удивление.

Это не могло быть совпадением.

Армия магов напала именно в тот момент, когда мы занимались расследованием убийства. Если это было совпадение, то в такой вещи, как магия, не было совершенно никакой необходимости. Магия по сути своей являлась способом обмануть мир, чтобы воссоздать сверхъестественные феномены, но если подобного рода негативное чудо было возможно, тогда магия давным-давно обрела контроль над миром.

— Разумеется, это не совпадение, — сказал учитель. — Это те люди, о которых ты собирал информацию, Свен.

— Но, профессор, если это так, то тогда мы...

Свен резко замолк.

Изельма с самого начала видела в нас врагов. Была ли это ситуация, которую мы могли использовать в свою пользу? Или нас просто сметут вместе с остальными? Как нам будет лучше поступить в этом хаосе?

Такая масштабная проблема, а мы уже были изнурены размышлениями.

Внезапно, солнце померкло.

Тучи. Тёмные грозовые тучи застилали небо с востока, бросая тень на все владения Изельма. Пока мы с тревогой наблюдали за ними, тучи расползлись над нашими головами с явно неестественной скоростью.

Наших ушей достиг низкий рокот грома.

— Учитель!..

Я инстинктивно прыгнула к учителю и крепко обхватила его.

В тот же момент мощный удар обрушился на моё тело со спины.

Это было подобно взрыву бомбы. Я могла лишь гадать, сколько магической энергии было вложено в эту атаку, если она до такой степени сотрясла землю под нашими ногами. В то время как сама молния большей частью ушла в землю, последствий удара было достаточно для того, чтобы ввергнуть всех присутствовавших в шок.

— Грэй!..

— Грэй?..

— Я... в порядке... — едва заметно кивнула я в ответ на встревоженный крик Свена и тихий вопрос учителя. Даже в такой ситуации Свен придерживался указаний учителя и держался как минимум в пяти метрах от нас. За его отчаянными и беспомощными блужданиями за пределами этого радиуса было почти забавно наблюдать.

— Эта молния была!..

— ...судя по всему, их вежливым приветствием, — тихо прошептал мой учитель. Окружённый горелым запахом, оставшимся после удара молнии, он щёлкнул языком и поднял взгляд к небу. — Магия, основанная на погоде и предназначенная для атаки на закате... я гляжу, делают всё по старинке. Целью было лишить Изельма защиты, даруемой землёй, не так ли?

Если ранить саму землю, то естественный поток магической энергии будет нарушен. Если земля находилась во владении мага, то было бы вполне естественно ожидать, что она сама была усилена защитными мерами, и поэтому со стороны нападающих было также естественно начать с того, чтобы нейтрализовать это преимущество.

Подход нападавших был бесхитростным и грубым, но при этом очень даже разумным.

Я ощутила, как магическая энергия в одной из башен Изельма без промедления пришла в движение в ответ на атаку.

Факт того, что реакция началась в Башне Луны, служил явным доказательством тому, что мастерская Изельма располагалась именно там. Магия, которая была приведена в движение, всё ещё оставалась тайной, но мысль о том, что она не станет нас трогать, была, мягко говоря, притянута за уши.

— Учитель...

— Прежде всего нам нужно отступить, чтобы уцелеть самим.

«Отступить», конечно, слово красивое, но на самом деле он имел в виду, что нам нужно было спрятаться, чтобы не угодить под перекрёстный огонь. Разумеется, было очевидно, что ни с нападающими, ни с обороняющимися мой учитель не мог сравниться в магических навыках.

— То есть «бежим со всех ног»? — усмехнувшись, отозвалась Райнес.

— Разумеется, бежим. Я бы свалил отсюда, прикрыв голову, и никогда бы здесь больше не показывался. Если бы кое-кто не оставил им залог.

— Никогда бы не подумала, что мой брат скажет мне столь грубые слова. Моё тело вот-вот задрожит от такого позора. Впрочем, если ты любитель такого, то я вполне могу над этим поработать.

— Как будто кто-нибудь захотел бы видеть свою сестру такой. А теперь как можно быстрее найдём место, где можно укрыться, пока всё не утихнет, – произнёс мой учитель с очевидной горечью в голосе и развернулся, чтобы уйти.

— Или... — он замер, беря свои предыдущие слова назад, — ...возможно, для этого уже слишком поздно.

— А?.. — поначалу я смутилась, но вскоре смысл слов учителя, горечь в голосе которого становилась всё сильнее, стал мне понятен.

— Флат! — развернувшись, бездумно выкрикнула я его имя.

Флата, разумеется, нигде не было видно. Даже будучи оглушёнными ударом молнии, учитель, Райнес и я ни за что бы его не проморгали. Разве что он намеренно пытался ускользнуть. Ну, подобная пронырливость всегда была его коньком как мага.

— Я иду за ним!

— Свен, стой!

Свен не стал дожидаться, пока его кто-нибудь остановит, и тотчас же устремился вперёд, причём с такой скоростью, что я едва ли догнала бы его даже с помощью Адда. Свен никак не мог знать, куда направился Флат, но, возможно, следуя его запаху, он бежал напрямик к лесу неподалёку.

— Поэтому-то я и сказал вам не приезжать!

Прижав ладонь к животу, учитель тяжело вздохнул, а морщины между его вечно нахмуренными бровями стали ещё глубже.

— Неплохо...

Атрам с жестокой улыбкой взирал на кратер, оставленный его магией.

Близлежащее плато, на котором он стоял, располагалось в нескольких километрах от места событий, но это не мешало ему смотреть сверху вниз на территорию Изельма сквозь старинный оперный бинокль, оставленный кем-то в вестибюле отеля.

Крепко прижимая к себе скудно одетую женщину, сидевшую рядом, он мягко прошептал:

— Что думаешь? Похоже это на сожжение замка твоей соперницы в любви?

Он хвалился своей работой, приписывая ей сходство с резнёй, учинённой древней Героической душой, известной как Медея.

Разумеется, его действия едва ли можно было сравнивать с тем, что делала она.

Для Медеи, существовавшей ещё до современной эпохи, в те времена, когда человечество было к магии гораздо ближе, самого обычного заклинания простого действия было достаточно, чтобы воспроизвести эффект, сравнимый с воздушной бомбардировкой. Если бы современный маг всю свою жизнь посвятил изучению таинств, совершая ритуал за ритуалом, то даже тогда вероятность того, что ему удалось бы достичь такого уровня, была бы ничтожно мала.

Но в этом отношении это и делало конкретно данное заклинание весьма впечатляющим.

Магия, использующая погодные явления, была, несомненно, крупномасштабной, но не такой уж редкой. Напротив, сложнее было бы найти хотя бы одно место, у которого не было долгой истории ритуалов по призыву дождя. Однако если взглянуть на современную магию, то успешных примеров можно было пересчитать по пальцам, в особенности учитывая, как сильно нынешнее состояние магии пришло в упадок. Да, успех Атрама был обусловлен тем, что приозёрная местность, где находилась его цель, располагала идеальными условиями для создания грозных облаков, но результат всё равно был достоин похвалы.

Для этой цели здесь собрались все маги, связанные с его семьёй, чтобы принять участие в ритуале.

На границе между днём и ночью, когда множество разновидностей защитной магии становились слабее, он направил вперёд авангард своего наступления.

— А теперь грабьте! Заберите всё! Да будет наш набег плодотворным!

Молодой человек рассмеялся, голос его был громким и отчётливым.

Именно так семья Атрама, Галиаста, обрела свою известность.

Если хочешь что-то взять – тогда возьми.

Если рука твоя сжимает клинок – тогда маши им.

Подобные слова Атраму внушали всю его юность. Чтобы определить следующего главу семьи, отец ставил его с братьями друг против друга и подвергал множеству испытаний. Атрам справился с ними наиболее эффективно. И поэтому,

заслужив титул в Часовой башне, Атрам превзошёл отца, отказавшегося ступить в мир магов, и с радостью занял его место.

В магии, уже давно считавшейся устаревшей, он, напротив, видел пользу и потенциал.

Даже невыносимая физическая боль от принятия семейной Магической метки была для него чистейшим удовольствием. Потому что эта боль была символом силы, величины, которую он обрёл.

— А теперь...

Он поднял бокал с вином.

— ...пришла пора вам пожалеть о том, что вы лишили меня моих законных трофеев.

*

Разумеется, хранитель этой земли был осведомлён о случившемся нападении.

Башня Луны.

Сосуд с водой.

В центре помещения стояла старая фарфоровая чаша, которая была наполнена водой, взятой напрямиком из земли. Рябь на поверхности воды отражала силу и масштаб вражеской магии.

Подобной магии существовало бесконечно много разновидностей, но такого уровня точности можно было достичь только на собственной территории. Более того, использование таких Тайных знаков было особенностью факультета ^{Вальюэ} созидания.

— Объявление войны, значит? — пробормотал маг исполненным ненависти голосом.

Взирая на воду в чаше, он с силой закусил мундштук своей трубки.

Едва ощутив что-то неладное, Лорд Байрон, глава семьи Изельма, тотчас же пробудил чашу и оценил силы противника.

И поэтому он назвал это объявлением войны. Потому что иначе они могли бы спокойно и незаметно проникнуть внутрь, подобно тем, кто убил его любимую дочь и горничную. Это даже было бы более ортодоксально. Как зачастую требовали короли и аристократы, самая сильная способность мага в бою - это убийство противника без прямого физического воздействия. Если кто-то отбросил в сторону это фундаментальное правило и начал со столь грандиозного шага, значит, это было не что иное, как объявление войны.

Он всегда знал, что они рано или поздно придут за Изельма.

Он слышал о семье Галиаста и также прекрасно понимал, что заслужил их недовольство. Они были семьёй, совсем недавно покинувшей Средний Восток и только начавшей свой подъём к славе, но именно поэтому он и ожидал от них столь неистового варварства. Как и многие семьи в самой Часовой башне, если дело сулит награду, они без лишних раздумий применяют силу, чтобы заполучить её.

— Но... напасть именно в такое время...

Подумав немного над проблемой, Лорд Байрон покинул мастерскую. Прямо за дверью стояли два мага.

— Майо, Исло.

— Д-да!

— Да?..

В ответе фармацевта явно чувствовалась нервозность, в то время как портной лишь сдержанно кивнул.

— Пожалуйста, побудьте с Эстеллой.

— А сражение?..

В ответ на вопрос Исло Байрон покачал головой.

— Это всё равно не самая ваша сильная сторона, не так ли?

Не сказав больше не слова, Байрон пошёл прочь с такой скоростью, какую только могла позволить его трость.

По пути он привлёк внимание слуги.

— Где сейчас леди Инорай?

— Лорд Вальюэлета в своей комнате. Она сказала, что ужин ей сегодня не требуется.

— Понятно, — кивнул он слуге.

Эта женщина попросту не могла не заметить столь странное происшествие. Другими словами, она всё равно что объявила о своём нейтралитете. И даже если Изельма падут в результате какой-нибудь распри, глава семьи Вальюэлета вмешиваться не намеревалась.

— Если леди Инорай не желает вмешиваться, значит, так тому и быть, — сказал Лорд Байрон.

Однако кое-что его беспокоило. Одна вероятность, словно заноза, угодившая под ноготь, рассылала волны тревоги по его душе.

Прежде всего он подумал, что смерть Золотой принцессы и её горничной - дело рук вражеской фракции.

Как и их главная семья Вальюэлета, Изельма были связаны с демократической фракцией Часовой башни. Любого рода саботаж со стороны аристократической фракции, возглавляемой Бартомелоями, или даже нейтральной фракции был бы в порядке вещей. В кипящем котле политической борьбы за власть Часовой башни человеческая жизнь ценилась даже меньше, чем мусор.

Но теперь по его голове расплзалась гораздо более ужасающая вероятность.

«Сама Лорд Вальюэлета в сговоре с этой семьёй?..»

Он хотел это отвергнуть.

Но в то же время его хладнокровная часть, засевшая где-то глубоко внутри, не желала отбрасывать эту вероятность.

Это едва ли можно было назвать беспрецедентным. Ради развития собственной магии главные семейства чуть ли не каждый день забирали ресурсы и людей у своих же дочерних семей. Истории о родословных, воспротивившихся столь вопиющему воровству и в итоге полностью уничтоженных, были весьма

распространены. Присоединение к одной из политических фракций Часовой башни даровало их покровительство, но и несло в себе угрозу подобного разорения.

Но опять же.

«Может быть, убийца принцессы – это...»

В голове Байрона всплыла ещё одна ужасная вероятность.

Он никак не мог её отвергнуть. Даже если между ними были хорошие отношения, их никак нельзя было назвать доверительными. В конце концов, человек, о котором он подумал, был тем, кто пожертвовал всем ради магии и избавился бы от собственных плоти и крови, если бы они стали ему помехой.

Кто мог стать таким магом?

— А-а... — он кивнул. Голос его скрипел, словно старый механизм. — Леди Инорай будет даже рада компании выскочки. В конце концов, в этом вся демократия Часовой башни. «Если в тебе горит страсть, то тебя должны принять. Если ты маг, то ты должен принять изменения».

Идя по коридору, он с трудом сдерживал отвращение, не давая ему закрасться в его голос.

Конечно, Изельма были связаны с демократической фракцией, в которой верили, что те, у кого есть способности, должны возвыситься вне зависимости от родословной. Но нельзя было сказать, что они приняли эту философию беззаветно. Маг инстинктивно тянулся к прошлому, и это значило, что сильно развитая родословная всё равно была критически важна.

«Сама по себе красота чудесна. Даже если она мимолётна, тот факт, что она существовала, уже придаёт ей ценность. Нам же стремление к чему-то за пределами этого момента попросту неинтересно. И, помимо этого, мы верим, что в наш век люди в состоянии работать и управлять вне зависимости от истории их родословных».

Эти слова Инорай сказала на светской встрече.

И она была права. В этих словах был заключён вечный идеал факультета ^{Вальюэ}созидания. Но идеал был лишь иллюзией, до которой нельзя было дотронуться. Тем, кто жил в реальности, нужно было не ослаблять хватки и изо всех сил держаться за него.

А что, если привнесение свежей крови было лишь способом избавления от старой?

Как тот молодой человек – Лорд факультета ^{Норидж}современной магии - ответит на этот вопрос?

Байрон скрипнул зубами.

Послышался раскат грома. Мимолётная белая вспышка осветила джентльмена с тростью... и на мгновение показала кое-что ещё.

— В таком случае Байрон Вальюэлета Изельма сам во всём разберётся...

Тень, на секунду возникшая позади него, можно было описать лишь как демона, затаившегося на стене.

Флат Эскардос.

Имя молодого человека, родившегося близ Средиземного моря и ставшего средоточием надежд и ожиданий самых разных людей.

Семья Эскардос обладала длинной историей, но при этом не могла похвастаться какими-нибудь в особенности великими достижениями. Многие поколения они оттачивали свою магию и накапливали Магические цепи, но им не удалось создать ничего сверх того, что можно было описать лишь как «посредственность», - и так продолжалось до тех пор, пока не родился Флат, чей выдающийся талант можно было счесть лишь как аномалию.

Превосходное количество Магических цепей, направляемых потрясающим талантом.

Родные окрестили его вундеркиндом и быстро отправили в Часовую башню, но даже это почтенное заведение не смогло соответствовать его потенциалу. Начав свой путь на кафедре некромантии, он стал учеником Рокко Белфабана, главы отдела по призывам. Однако всего через несколько месяцев его уже перевели на другой факультет. Но ни один факультет не мог поспеть за его талантом, и поэтому он стремительно переходил с одного на другой к большому разочарованию его преподавателей. Из-за постоянных повторных подач документов он оказался на грани отчисления.

Причина была проста.

Каким бы идеальным ни был его магический талант, все прочие атрибуты жизни мага давались ему из рук вон плохо.

Ему часто говорили, что его поведение чересчур вольное.

На самом деле тем, что в действительности являлось естеством современного мага, была не сверхъестественная сила и не превосходное сознание, а упорство, выстроенное и усиленное за долгие поколения. Ревностная верность туманной идеологии в течение сотен или даже в некоторых случаях тысяч лет развивала отдельную разновидность чрезвычайной силы. Даже если наука превзойдет магию во всех других отношениях, пока этот идеал сохраняется, сама магия будет неистребима.

Но в этом плане юноша был безнадежен.

И, наверное, будет лучше сказать «безнадежен из-за своего невероятного таланта», чем «безнадежен, несмотря на свой талант». Окружавшие его не могли понять причин, но, по крайней мере, было очевидно, что молодой человек по имени Флат Эскардос не обладал этой ключевой для мага особенностью - упорством. Вечно небрежный и распушенный, он всегда совал нос в чужие дела, но при этом, словно губка, впитывал в себя всю информацию на всех занятиях, поддерживая почти идеальные оценки. В худших случаях он даже перебивал преподавателей с лучезарной улыбкой, добавляя собственные изменения и тем самым улучшая их формулы за доли секунды.

А для преподавателя нет унижения больше, чем это.

Он был для них словно безупречный алмаз, не требующий дальнейшей огранки. Его талант был настолько велик, что они просто ничего не могли ему дать, чтобы развить его навыки ещё сильнее, и поэтому окружающие награждали его безмолвным презрением. Часовая башня, существовавшая якобы именно для того, чтобы развивать таланты новых магов, не могла позволить себе лишиться такого самородка, но ни один из тех преподавателей, что пытались с ним работать, не смог долго продержаться.

Так продолжалось примерно год.

В итоге, переходя из рук в руки между различными факультетами и фракциями, словно ценное сокровище, с которым нелегко расставаться, он наконец оказался в классе Эль-Меллоев. Класс, уже вобравший в себя немало проблемных учеников Часовой башни принял его без вопросов. Способность местных преподавателей наставить его на путь истинный, что привело к легко различимому росту, привлекла всеобщее внимание. За это, конечно, одному Лорду пришлось расплачиваться поистине сокрушительными болями в желудке, но это уже совсем другая история.

Как бы то ни было, сейчас Флат шёл по следу магической энергии тех, кто напал на Изельма.

В лесу.

Почуввав их магическую энергию с холма, он устремился вниз по траве и вбежал в лес. Несмотря на плохо ухоженную тропу, он двигался с такой скоростью, что даже профессиональный марафонец вряд ли бы смог за ним угнаться. Разумеется, всё это было благодаря его магическому усилению.

Не останавливаясь, он запрокинул голову и посмотрел на тёмные облака в небе сквозь листву деревьев.

— Ого, потрясно! У магии управления погодой сильные побочные эффекты, поэтому в Часовой башне её, по сути, и не увидишь. Хм-м... но этот маг использует её довольно неэффективно. Сколько там человек он задействовал? Тридцать один... нет, тридцать два? Седьмого и двадцатого, вероятно, лучше исключить. Я должен сказать им об этом!

И эти абсурдные слова он произнёс с искренней живостью.

Любой, кто услышал бы это, сказал бы, что Флатом движут лишь благие намерения. Но именно эти благие намерения сыграли злую шутку с многими преподавателями Часовой башни. Если бы кто-нибудь назвал это новой разновидностью проклятия, с этим человеком вряд ли бы стали спорить.

Однако укоряющий голос, ответивший ему, раздался по другой причине.

— Флат.

— Ого! Уже нашёл меня! — Флат развернулся, и его глаза расширились от удивления.

На ветке дерева над ним стоял юноша с кудрявыми волосами. Прислонившись к стволу, он коснулся пальцем кончика носа, с неодобрением взирая на своего одноклассника.

Свен Глашайт.

Став частью класса Эль-Меллоев примерно за месяц до Флата, он был самым старшим учеником из ныне действующих. И это с учётом того, что Лорд Эль-Меллой II, скажем так, избавлялся от своих учеников сразу же после того, как они выходили за рамки основ, выпуская их одного за другим, словно у него не было сил и желания за ними присматривать.

— Что значит «уже»? Да я ни с чем не спутаю твой легкомысленный, фривольно жёлтый запах. А теперь пошли назад к профессору.

— Да ладно тебе! — жалобно воскликнул Флат, словно ребёнок, которому сказали, что пора уходить из магазина игрушек.

— Хочешь, чтобы я силком потащил тебя обратно?..

— Эй, эй, полегче! Сам подумай, Ле Шьен! Профессор ведь сейчас в беде, верно?

— А ты подливаешь масла в огонь!

— Вовсе нет! — отмахнулся Флат и с улыбкой рассмеялся. — Профессора это порадует!

— Что?.. — нахмурился Свен.

— Изельма забрали Трим, да? Так что, если мы отделаем тех, кто на них напал, они могут из благодарности вернуть её нам! А профессор будет нам крайне признателен! Это же идеальный план, Ле Шьен, тебе так не кажется?

Вместо того, чтобы называться идеальным, этот план, скорее, заслуживал того, чтобы его сразу же отвергли. Это было равносильно тому, чтобы увидеть перед собой яму-ловушку и из вежливости бросить в неё несколько отравленных клинков, прежде чем прыгнуть самому.

Но.

— Во-первых, хватит меня так называть, — сказал Свен.

После этого он на какое-то время замолк. От такого молчания Лорд Эль-Меллой II, будь он здесь, сразу же принялся бы массировать ладонью свой желудок. Потому что вместо покоя, который обычно воцарялся после шумихи, это больше походило на затишье перед ужасной бурей.

— Эти люди пытались навредить моей.. пытались навредить Грэй, — пробормотал он. В конце концов, почесав пальцами голову и облизнув губы, он продолжил:

— Ладно, я в деле.

*

Несколько теней бежали сквозь густой подлесок.

Пробиваясь через поросль высотой по пояс собственными телами, они направлялись к башням-близнецам Изельма. Двигались они не сбиваясь с курса, совершенно не обращая внимания на ненадёжную почву под ногами и заросли плюща, угрожавшие стать причиной падения, из-за чего эту группу несколько веков назад называли бы маршем демонов.

Одна из фигур подняла голову.

На открытом пространстве перед ними стоял хорошо одетый мужчина с тростью.

— Лорд Байрон.

— Впечатляет. Сделали своими союзниками сами элементы. Эта местность особенно чувствительна к изменению погоды, но я никогда прежде не сталкивался с кем-то, способным на столь выдающееся зрелище.

Джентльмен сразу же оценил уровень агрессоров.

Насколько трудна была такая магия для современных магов? Или, возможно, вне зависимости от сложности насколько она была возможна? В битве магов самым важным навыком являлась способность увидеть природу предпочитаемых формул противника. Верность основам, следование непоколебимой истории – Лорд Байрон шёл по испытанному и истинному пути.

— Если Вы всё это поняли, почему бы тогда просто не отдать то, что нам нужно? — игриво произнёс один из агрессоров, словно их цель была отчётливо ясна с самого начала.

Но.

Джентльмен ответил с бесстрашной улыбкой:

— Если вы думаете, что Изельма беззащитна, то, боюсь, вы сильно ошибаетесь.

Байрон ударил тростью по земле, и вокруг него возникло скопление сфер. Прогалина быстро заполнилась облаком пузырей, отражавших пёстрый свет заходящего солнца, проглядывавшего через листву. Зрелище было захватывающее.

Их истинная природа, разумеется, едва ли была безвредной. Невзирая на воздушные потоки в лесу, пузыри, наполненные магической энергией Байрона, двигались крайне неестественно, окружая магов. Образы агрессоров отражались в их вращающихся мыльных поверхностях.

Маги безмолвно наблюдали за пузырями.

Никто из агрессоров не был достаточно глуп для того, чтобы беспечно лопнуть один из них. Это был, разумеется, минимальный уровень предусмотрительности, необходимый для мага.

Но их бездействие означало, что пузыри могли беспрепятственно распространяться по прогалине, быстро окружая магов и отрезая им все пути к отступлению.

— Как вам Радужные сферы Изельма?

Это было название заклинания, которое только что прошептал Байрон?

С громким треском пузыри взорвались.

Из них не появились никакие монстры или что-нибудь подобное - по крайней мере, ничего, что можно было увидеть. Тем не менее, несколько агрессоров упали на землю, хватаясь руками за горло.

— Байрон!

Разгневанные маги обрушили на него целый шквал зарядов молнии.

Как и ожидалось, пузыри, парившие вокруг Лорда Байрона, устремились на перехват, но они не смогли полностью его защитить. Примерно треть зарядов прорвалась сквозь пузыри и угодила в Барона, из-за чего тот упал на колени.

— Ха! Коллекционер, укрывшийся в своей глуши, всё-таки пал!

Маги, которые до этого подверглись атаке пузырей, начали вставать на ноги и вскоре приступили к сотворению нового заклинания вместе со своими разъярёнными товарищами.

Прижимая ладонь к ожоговой ране на плече, Байрон вновь ударил тростью по земле. Количество пузырей в воздухе удвоилось, создав радужную крепость перед агрессорами. Учитывая, что он был членом факультета созидания, это означало, что исход сражения зависел от того, удастся ли искусству Лорда Байрона в достаточной мере противостоять атакующим магам.

Но.

— Ого, драка уже началась!

Из глубин леса эхом донёсся истеричный голос.

В ответ на это пузыри Лорда Байрона, автономно реагируя на новую угрозу, закружились за его спиной, опускаясь в подлесок в противоположной стороне от агрессоров.

Первичной функцией пузырей было уничтожение кислорода в воздухе, лишая тем самым противника возможности дышать. Поэтому то, что кто-то оказался совершенно невосприимчив к такой атаке, стало для Лорда Байрона полной неожиданностью.

— Что?!

— Один из псов Изельма?!

Маги напряглись при виде возникшего из леса юнца.

Но выражение на его лице было каким угодно, но только не враждебным.

— Вы же Лорд Байрон, да? Из дома Изельма? — с улыбкой спросил он.

Тот факт, что Лорду Байрону каким-то образом удалось скрыть своё изумление и сохранить невозмутимость, многое говорил о его характере.

— А Вы кем будете?..

— Флат Эскардос из класса Эль-Меллоев! К Вашим услугам! — быстро отсалютовав, светловолосый юноша повернулся к агрессорам.

Сложив руки на груди и триумфально ухмыльнувшись, он воскликнул, обращаясь к кому-то наверху:

— А теперь ату их, Ле Шьен!

— Сказал же, не называй меня так!

С гневным криком Свен спрыгнул с дерева. Пробормотав что-то про то, что его присутствие выдали, он легонько потёр свой нос.

— От вас всех пахнет острым металлом, вы в курсе? Вы смердите лишь уродливой, отвратительной жаждой крови!

До этого момента агрессоры смотрели на двух парней свысока.

Можно было не говорить, что любой, кто вклинился в эту ситуацию, стал бы считаться опасным. Также ещё более важным для мага было не списывать со счетов противника, исходя из его внешности. Именно поэтому они, не переставая смеяться, не стали медлить и начали готовить свою магию.

Но не успели они закончить, как...

Свен завыл.

Ударной волны от этого рёва было достаточно для того, чтобы смести магию агрессоров.

Во многих азиатских странах ходит поверье, что лай или вой собаки способен изгонять зло. И как будто голос юноши обладал похожими свойствами, магическая энергия, которая должна была течь по их Магическим цепям, полностью исчезла.

— Не может быть, ты!..

— Класс Эль-Меллов, Свен Глашайт, — назвал он своё имя выпучившим глаза магам, и его вой принял другую форму.

Бледная смерть
— *Pallida Mors*.

Это было заклинание юноши?

С мягким гулом волосы Свена начали меняться. Они стали извиваться, словно превращаясь в какое-то другое существо. Под изумлённым взглядом окружающих волосы начали расти, покрывая его спину, а зубы Свена превратились в бритвенно-острые клыки. Его красота осталась прежней, но природа изменилась.

Он прыгнул.

Однако маги, несмотря на удивление, отреагировали должным образом.

Они одновременно высвободили свою магию, которую до этого удерживали. Их молнии были лишь заклинаниями простого действия, но, благодаря усиливающим эффектам магии управления погодой, они могли без проблем разорвать неудачливого противника на куски.

Однако вместо этого вытянутая вперёд рука одного из магов исчезла.

Так же, как его зубы превратились в клыки, ногти Свена стали невероятно острыми когтями. Лишившийся руки маг, возможно, даже не понял, что произошло, и без чувств рухнул на землю из-за внезапной крупной потери крови.

Не останавливаясь, Свен прыгнул в кроны деревьев. Прыгая от ствола к стволу, с ветки на ветку, он словно парил над лесом, как будто сама гравитация не была для него помехой.

Один из магов умудрился взять себя в руки, чтобы попытаться ответить на атаку, но когда он увидел, во что превратился Свен, то изумлённо вздохнул, выпучив глаза.

Тело Свена преобразилось.

Мышцы его тела вздулись, а волосяной покров приобрёл прочность металла, из-за чего его легко можно было спутать с оборотнем, представителем легендарного фантазмического вида. Нет, само его естество не изменилось. Приглядевшись, можно было заметить, что его одежда и обувь не были

уничтожены превращением. Странная магическая энергия, окутывавшая тело юноши, попросту пыталась придать ему облик оборотня.

Но, возможно, определение «фантазменный волк» было бы более уместно, чем «оборотень».

Звериная магия.

Во многих странах магия преследовала цель воспроизвести черты и способности животных в человеке.

И не только магия. Многие китайские боевые искусства, например, синъицюань и стиль белого журавля, за основу своих движений брали повадки животных. Также на западе лейтмотив лебедей и львов часто появлялся в танцах и искусстве. С незапамятных времён, когда люди отделились от царства животных, они почитали его как источник таинства.

Такова была природа магии Свена Глашайта.

Как словом «берсерк» изначально называли воина, носившего медвежьи шкуры, так и его искусство высвобождало огромную звериную мощь из его глубин. Насыщая тело таинством зверей, он обретал невероятные скорость и силу, которые во много раз превосходили простую магию усиления.

Даже если противником был маг, за скоростью Свена невозможно было уследить.

Он скосил ещё одного мага, словно тот был обычной соломинкой.

То, что они находились в лесной чаще, несомненно, также придавало Свену преимущество перед магами. Деревья преграждали лучи закатного солнца, и поэтому, даже улучшив своё зрение с помощью усиления, они не могли уследить за его перемещениями. Но за каждые доли секунды, когда неистовые когти Свена касались их тел, они расплачивались своей плотью.

— Раз так, тогда!..

Оставшиеся маги изменили стратегию.

Сломав своё плотное построение, они рассыпались по прогалине и высвободили очередное заклинание. Если сравниться с ним на ближней дистанции им было не по силам, тогда они разделяются с ним на расстоянии. Способность быстро менять стиль боя говорила о том, что все они являлись искушёнными в боях магами.

Однако ни с чем подобным они никогда прежде не сталкивались.

— Вот так, да, а теперь круговое движение, ага! — произнёс Флат, описывая рукой круг.

Сторонний наблюдатель, хорошо разбирающийся в спорте, мог бы заметить, что своей стойкой, предшествовавшей размахиванию руками, Флат копировал других магов. В психологическом плане это подражание позе и манерам другого человека несло в себе успокаивающий эффект. Однако в данном случае его движения несли в себе совершенно иную цель.

Игра в мяч
— Начать вмешательство.

Вектор магической энергии изменился.

Слетев с ладоней магов, молнии тотчас же развернулись, полностью поменяв направление. Воздух заполнили вопли магов, угодивших под собственные молнии. Использовать куклу, похожую на цель, чтобы наложить проклятие, - своими движениями Флат воссоздал эффект, похожий на этот широко известный вид симпатической магии.

Это проклятие время от времени можно было увидеть в различных школах юго-восточной азиатской магии.

Вот только... в Часовой башне, где в основе всех учений лежала европейская магия, такому никогда не учили.

Однако то же касалось и Флата.

Его магический стиль также был уникален.

Благодаря своему невероятно редкому элементарному родству с Пустотой, или Эфиром, все его заклинания находились на грани того, чтобы называться еретическими. В рамках изучения современной магии идею выделения сильных сторон различных стилей и их последующее объединение в одно искусство называли магией хаоса, но после того, как Лорд Эль-Меллой II оценил её как нечто «больше похожее на "странную магию"», Флат сам начал распространять это название, гордясь тем, что учитель окрестил его магию лично.

Обычно, такая формула ни за что бы не сработала.

Магия хаоса сама по себе была хрупкой и нестабильной с самого начала. Несмотря на то, что идея объединения сильных сторон различных стилей магии звучала как нечто невообразимо мощное и всемогущее, адепт магии хаоса мог брать лишь разновидности магии, с которыми он был знаком лично. В реальности же правильное совмещение этих сильных сторон в рабочие заклинания было сложной задачей. Но всё же подход Флата, который можно было описать как «я просто сделал вот так, и всё получилось», определённо делал из него инакомыслящего.

Но что самое главное, его способность вмешиваться в чужую магию была необоснованно мощной.

— Класс... Эль-Меллоев?... — со стоном произнёс один из агрессоров.

Два самородка класса Эль-Меллоев. Другими словами, номинальные лидеры новой восходящей силы в Часовой башне. Они оба обладали длинными и легендарными родословными и поэтому не могли называться «ню-эйджерами», однако именно поэтому они могли демонстрировать свои истинные способности без ограничений.

Союз мощи старой магии и гибкости новых учений.

Возможно, сами того не понимая, они действовали с идеальной слаженностью.

— Ладно, Ле Шьен, пора набрать темп! Покажем им, что значит быть асами класса Эль-Меллоев!

— Хватит пытаться мне приказывать!

Несмотря на свои с трудом произнесённые слова, Свен послушно обрушился на агрессоров, когда вмешательство Флата свело на нет их магию. Слаженно взаимодействовать со столь разными школами магии было невероятно сложно, и любой, у кого был такой навык, владел им в лучшем случае посредственно.

Вдобавок они оба обладали исключительно сильными эго. Тем не менее, Флат и Свен показывали командную работу, присущую близнецам, которые тренировались вместе с самого рождения.

Внезапно, они остановились, как по команде.

И не только они, даже маги-агрессоры замерли, отвернувшись от учеников класса Эль-Меллоев. Ужас, читавшийся на их лицах, полностью отличался от того страха, что завладел ими ранее.

— Могу я поинтересоваться, что именно здесь происходит? — произнёс сильно загорелый молодой человек.

С этими словами губы Атрама Галиасты искривились в зловещей улыбке.

Учитель и я прижались к стволу дерева вместе с Райнес, чтобы не попасть под дождь.

Дабы поддерживать контроль над мощнейшими духовными жилами, принадлежавшие магам земли зачастую находились вдали от городов. Поэтому пышущие растительностью области, подобно этой, были весьма распространены. Несмотря на очевидно большой возраст деревьев, все они носили кроны из молодых, ярко-зелёных листьев, словно сама духовная жила даровала им своё благословение.

Как долго они взирали на этот пейзаж?

Раскаты грома говорили о том, что буйство стихии вряд ли закончится в ближайшее время.

Густые грозовые облака целиком покрывали территорию Изельма, будто пытаясь прогнать заходящее солнце. Это напомнило мне миф об Орионе, который после смерти от укуса скорпиона стал созвездием, вечно бегущим от своего убийцы.

— Ничего, что мы вот так отпустили Свена и Флата?.. — спросила я учителя, наблюдавшего за ливнем.

— Да... Они в любом случае попытались бы влезть в сражение. Даже если их противники - маги внушительных способностей, эти двое не дадут себя одолеть. Эти дети невероятно одарённые, оттого и проблемные, — нехотя произнёс он, пыхнув сигарой, словно одолеваемый плохим настроением.

Слова о том, что их способностей было достаточно для того, чтобы считать их проблемными детьми, скорее всего, были с его стороны искренним признанием. В сравнении с другими факультетами класс Эль-Меллоев уже представлял собой сборище отщепенцев и диссидентов, но эти двое выделялись даже среди них. Разумеется, выделялись своими магическими способностями, но самой отличительной их особенностью был весь их образ бытия. Вкладывая невероятные усилия в изучение магии, они при этом обладали природой, которая каким-то образом отличалась от таковой у других магов Часовой башни.

Наверное, можно было сказать, что они были похожи на моего учителя, одновременно маги до мозга костей и максимально на них не похожие.

— Ну, за исключением того факта, что у них необычный противник.

— Необычный?.. — от слов учителя у меня по спине пробежали мурашки. Реакция, может, и была в какой-то мере жалкой, но её было очень сложно подавить.

— Атрам Галиаста. Человек, о котором Свен собирал информацию для меня. Ну, если случится худшее, то он не тот противник, от которого те двое не смогли бы сбежать...

— Галиаста...

Довольно редкая по звучанию фамилия.

Разумеется, что касается Часовой башни, то я не смогла бы отличить одну фамилию от другой, но, даже несмотря на это, для меня она звучала очень по-чужеземному. Сухой звук. Воздух, горячий настолько, что обжигает кожу. Мечи с

толстыми изогнутыми клинками. Примерно такие ассоциации возникли у меня в голове.

Словно подтверждая мои мысли, учитель продолжил:

— Это старая династия со Среднего Востока, которая лишь недавно стала частью Часовой башни. Их магия связана с проклятиями, так что противники они весьма непростые. Так или иначе, с помощью магии они принудили близлежащие организации к сотрудничеству, обеспечив себя тем самым правами на бурение нефтяных скважин. Во всём, что касается влияния в мирских делах, они впереди всех даже среди членов Часовой башни... и на аукционе по одному талисману они боролись до конца с семьёй Изельма.

— О? Это тот самый талисман, который, как ты сказал, недавно приобрели Изельма, верно?

Когда Райнес перебила учителя, я вспомнила одного человека.

«Вообще-то я хочу заполучить один талисман».

Мик Градзилье.

Человек, который как ни в чём не бывало заявил нам, что он шпион.

К слову о нём, я не видела его с самого утра. Интересно, что он собирался делать теперь, когда Изельма подверглись нападению. Если его признание о том, что он шпион, было на самом деле правдивым, тогда, может, он и Галиаста...

Я нервно сглотнула.

— Значит, это Галиаста стоял за убийством принцессы? — произнесла Райнес.

— Кто знает, — расплывчато ответил учитель.

Коснувшись пальцем губ, он сощурил глаза и начал раскладывать информацию по полочкам.

— Есть вероятность, что это была месть за то, что Изельма умыкнули талисман из-под их носа, но... если дело было в этом, тогда почему они вместо этого не прибегли к похищению? К тому же в случае с мстью в этой атаке нет совершенно никакой необходимости...

— Что, если, например, они послали кого-то найти талисман втайне, но принцесса узнала об этом, и её пришлось убить, чтобы всё скрыть?

Учитель покачал головой в ответ на предположение Райнес.

— И после её убийства они вежливо перенесли её в спальню? Конечно, они могли бы с помощью магии очистить место преступления от крови, но как они тогда обошли Тайную печать?

— Хм. Ну... хм, — Райнес поскребла пальцем воздух и затихла.

К сожалению, принимать участие в подобного рода обсуждениях было выше моих сил. Я не могла постичь мысли и чувства даже этих двоих, не говоря уж о ком-то, кого я встречала лишь пару раз. Я была попросту не в состоянии предоставить что-нибудь, хотя бы примерно похожее на дельную гипотезу.

В результате я просто сидела и наблюдала за их разговором, сцепив пальцы рук.

— Хи-хи-хи-хи! В чём дело? Почему бы не попробовать поделиться своими мыслями? Если вы тут загадку разгадываете, то вполне можно озвучить пару глупых теорий. Чёрт, да хоть десять, почему бы и нет? Ты же вроде как Ватсон, так что кому будет не наплевать, если ты окажешься не права?

Со стороны моей правой руки донёлся смех Адда.

— Я... не такая умная, так что...

— Да ты просто всегда отказываешься думать, разве нет? «Я не могу, я не могу!» Ведь повторять это гораздо легче, чем на самом деле пошевелить извилинами, верно?

Мне нечего было ответить на резкие слова Адда.

Я, скорее, была с ним согласна. Честно говоря, от размышлений всегда было больше мороки, чем пользы. Если бы я могла закрыть глаза и зажать ладонями уши, жить стало бы очень легко. У меня не было смелости даже для того, чтобы убить себя. Мысль о том, что если я умру, то стану одной из... них, ужасала меня. Если бы я просто лежала себе тихо в земле, то это было бы нормально, но блуждать по земле, не имея возможности упокоиться...

Безнадёжно трусливая, безнадёжно ленивая. Да, такой я и была.

Даже если мне скажут, что мне стоит попробовать измениться, я буду не в силах даже сделать первый шаг. С тех самых пор, как я покинула родную обитель, я ни капли не изменилась.

Почему?

Это было болезненно.

Меня мутило, я чувствовала, что вот-вот упаду.

Случившееся здесь давило на сердце. Что-то в этой ситуации не давало мне покоя, и ощущалось это совершенно иначе, чем в Замке разделения, но я опять оказалась единственной, кто не был способен увидеть что-нибудь дальше своего носа.

— ...следуя этой теории, как ты объяснишь смерть горничной?

— Ох. Но если мы предположим, что преступник не один...

Пока я предавалась мыслям, разговор между Райнес и учителем успел уйти далеко вперёд. Я же чувствовала боль в груди.

Возможно, потому что это было что-то очень мне знакомое.

Что-то настолько важное, что я не могла с этим расстаться, и при этом столь очевидное, что я не могла заставить себя сосредоточиться на этом.

Создавалось ощущение, что вместе с непрекращающимся дождём с небес падали невидимые иглы. Если они вопьются в плоть, будет больно, несомненно, но страшно было даже думать о том, что их нельзя было увидеть, сколько ни вглядывайся. Ты не можешь сказать наверняка, есть они или нет, пока не увидишь кровь на своей коже.

Ты даже не узнаешь, что это вообще иглы, пока не упадёшь замертво на землю, униженный ими.

И если кто-нибудь взглянет на твой труп, когда дождь закончится, то, несомненно, будет недоумевать, почему ты просто не убежал.

— Хм. Но тогда по твоей логике создание Золотой принцессы...

— Нет. Красота Золотой принцессы, несомненно, была создана искусственным путём, но это не имеет значения. Концепция искусственного заключается в том, что оно возвращается к природе. Неважно, отполирован камень бегущей водой или же руками человека, он всё равно остаётся камнем. Если вкратце...

«А, понятно».

Слова, которыми обменивались Райнес и учитель, внезапно просочились в моё сознание.

Золотая принцесса и Серебряная принцесса.

На самом деле я была такой же, как и они. Лекция учителя о косметической магии и её истории поразила меня подобно тем самым иглам.

Я мягко коснулась своего капюшона.

Это были мои невидимые иглы. Лёд, сковавший моё сердце и не желавший таять вне зависимости от того, сколько времени прошло.

Если говорить о стеклянных иглах, то это очевидно не могло ссылаться на что-либо ещё. Тот факт, что я не осознала это раньше, лишний раз показывал, какой же глупой я была. Как бы далеко я ни бежала, собственная глупость всё равно пронзала моё сердце. Била в него. Пускала мне кровь.

«Лучше бы я умерла...»

Я бы предпочла, чтобы эта воображаемая кровь наполнила мою глотку и просто утопила меня.

Пусть на моей шее останутся следы от ногтей, пусть моё лицо побагровеет. Мне было всё равно, как жалко я буду выглядеть, когда рухну на землю. Мне казалось, что для меня это будет самый подходящий способ умереть. Я хотела избежать позора, которым для меня было превращение в призрака, но если этого можно было избежать, тогда...

— Грэй.

Я внезапно осознала, что кто-то назвал моё имя.

— Учитель?..

— В чём дело? Ты побледнела.

Учитель смотрел на меня сверху вниз, привычно нахмурив бровь. Может, он и воспринял выражение моего лица неправильно, решив, что мне нехорошо, но факт того, что он по одному лишь моему лицу понял, что что-то не так, указывал на то, как много времени мы провели вместе.

— Вообще-то я...

Я замолкла на несколько секунд в нерешительности.

Мной начала завладеть растерянность, но я довольно отчётливо помнила свои недавние мысли.

В таком случае я могла описать свои чувства более быстрым и понятным способом, чем прибегать к словам. Я немного сдвинула край капюшона назад.

Когда учитель увидел это, его глаза расширились.

— Грэй! Кажется, я сказал тебе не...

— Нет.

Он тут же начал ругать меня, как я и просила его когда-то, но мне удалось его остановить.

Несмотря на то, что я сдвинула капюшон лишь чуть-чуть, несмотря на то, что пальцы, сделавшие это, будто горели огнём, я наконец-то смогла заставить свои губы двигаться.

— Моё лицо... Думаю, здесь похожий случай... может быть...

— Здесь? Но...

Учитель внезапно замолк, быстро бросив взгляд в сторону.

Вероятно, тем самым он пытался сказать мне, что с нами была Райнес. То, о чём я хотела поговорить, не следовало рассказывать всем подряд. Видимо, догадавшись об этом, Райнес слегка наклонила голову вбок и произнесла:

— Хм. Если проблема во мне, то я могу подождать в сторо...

— Нет, всё нормально... Думаю, Вы тоже должны об этом знать.

Я на секунду перевела взгляд на учителя.

У него на лице читались смешанные чувства, но он, похоже, не собирался возражать.

Я мягко прикоснулась ладонью к своей теперь открытой взору присутствующих щеке.

— Это... не моё родное лицо.

— Что?! — черты Райнес тотчас же исказились в изумлении.

Кстати говоря, Райнес уже не раз указывала на мой капюшон.

«Знаешь, ты будешь гораздо милее, если снимешь этот капюшон».

Она, конечно, лишь дразнила меня, но её слова засели в моей голове.

Если она заинтересовалась мной, то я могла лишь сказать, что мне жаль. Очень жаль, но я не из тех, кто оправдывает ожидания других. В конце концов, я попросту не могла.

— Вы ведь уже знаете про Адда, верно?..

— Эй, ты чего?! Не доставай меня так внезапно! Мне нужно время, чтобы подготовиться!

Я освободила крючок, и из-под плаща показалась клетка. Едва появившись перед нами, Адд бешено задвигал своими глазами и ртом. Если подумать, то в моём родном городке мне помогали расслабиться лишь люди в телевизоре и этот кубик.

— В нём сокрыт Благородный Фантазм.

Я решила не называть его настоящее имя, «Копьё, ^{Ронгоминиад} что сияет на краю света».

Сокровище, которым когда-то владел легендарный король Артур. Для Часовой башни оно имело особое значение. Именно поэтому учитель строго наказал мне никогда не упоминать про него вслух за исключением тех случаев, когда мне приходится его использовать.

Даже сдерживаясь, Райнес внимательно меня слушала. Она не задавала сложных вопросов о том, какова была его истинная природа. Короче говоря, она вела себя, как настоящий маг. Райнес привыкла задавать вопросы, ограниченные конкретными темами, определённой областью. За это я была особенно благодарна.

Кивнув, я продолжила:

— Моя семья... её целью было создать того, кто смог бы владеть содержимым этого куба.

В этом отношении мы были похожи.

Рождённые не просто с целью, а для одной-единственной задачи. Всё уже было решено за нас. Как принцессы появились на свет с целью создания идеальной красоты, так и я родилась, чтобы исполнить чужую роль.

А ещё мы с ними оказались наиболее успешными, чем все остальные.

— Чтобы имитировать того, кто изначально владел этим Благородным Фантазмом, было создано так много... так много людей...

Совсем как семья магов, стремившаяся создать абсолютную красоту.

Моя семья верила, что если им удастся создать кого-то похожего на изначального владельца не только лицом, но и всем остальным – от телесных пропорций до мышечной структуры, внутренних органов и кровеносных сосудов – если им удастся тщательно воссоздать это, то они получат того, кто сможет использовать этот Благородный Фантазм. Разумеется, можно было даже не говорить, что создание точной копии не представлялось возможным в силу множества элементов таинства, которым обладал тот герой старины, но которое было утеряно за многие столетия. Однако если им удастся воссоздать того героя хотя бы физически, то и его божественное сияние не заставит себя ждать. По крайней мере, мои предки верили в это.

Сотни, если не тысячи лет нескончаемых неудач... Я даже представить себе не могла то безумие, которое их охватило. Что главы всех этих поколений видели впереди, обречённые судьбой на это упорное послушание, которое не терпело даже малейших колебаний?

— Поначалу, десять лет назад, всё шло очень даже хорошо.

Десять лет назад.

Не знаю, почему.

По крайней мере, когда я родилась, я была такой же неудачей, как и все прочие. У меня была чрезмерная чувствительность к призракам – нечто, что в моей семье считали благословением – но даже с этим у меня не было причин сомневаться, что я была собой. Ничто не указывало на обратное.

Но десять лет назад.

Взглянув на себя в зеркало, тогда ещё совсем юная я увидела, как её лицо кардинальным образом изменилось.

Да, некоторые едва уловимые черты и особенности моего родного лица остались не тронутыми, но я всё равно с ужасом наблюдала как моё отражение в зеркале постепенно менялось, становясь абсолютно чужим. Я даже могла слышать звуки того, как перестраивается моё тело. Испытывая муки, которые совершенно

отличалась от привычной мне боли, я отчётливо слышала, как скрипят и трещат мои кости и мускулы, принимая новые формы.

Утопая в этой невыносимой агонии, я, вцепившись в подушку, пролежала в постели всю ночь, которая, казалось, длилась целую вечность.

Увидев, что моё лицо изменилось и приобрело гораздо более благородные черты, родственники чуть не задушили меня в объятиях, открыто рыдая от радости. Я не знала даже, как на всё это стоило реагировать.

— Тогда же я обрела способность разговаривать с Аддом...

По-видимому, дело было в точности.

Как только я стала достаточно похожа на изначального владельца Благородного Фантазма, фальшивая личность, дремавшая в Тайном знаке, пробудилась. Как бы то ни было, вскоре он стал одним из немногих, с кем я разговаривала.

— Вот как... — едва заметно кивнула Райнес.

Учитель всё это уже знал. Это было своего рода введение. Нечто, о чём мы говорили в первый день нашего знакомства в моём старом доме. Когда я озвучила свою просьбу.

«Пожалуйста... продолжайте и впредь ненавидеть моё лицо».

Сейчас мне кажется, что просить его об этом было очень жестоко с моей стороны.

Мне оно не нравится, так что пусть оно не нравится и Вам. Что может быть эгоистичней? Я просто была так рада, что, в отличие от моей семьи, у кого-то вид моего лица вызвал лишь страх, но даже это не было оправданием.

Однако сейчас думать следовало не об этом.

подавив на время свою суицидальную ненависть к себе, я перешла к сути:

— В её комнате ведь не было ни одного зеркала, не так ли?..

Говоря это, я почувствовала, как у меня начали полыхать щёки.

Возможно, я была совершенно не права. Это даже дедукцией нельзя было назвать, просто высказывание идеи, пришедшей мне в голову. В конце концов, ну не было там зеркал, и что с того? Даже я не верила в то, что это поможет нам распутать дело.

Но ни Райнес, ни учитель не засмеялись надо мной.

Поэтому, вновь спрятав лицо в тени капюшона, я отчаянно попыталась объяснить:

— Мне... было страшно... — несмотря на то, что мой голос дрожал, я не могла остановить поток слов, срывающийся с моих губ. В этот раз пальцы руки, вернувшие капюшон на место, были холодными, как лёд. — Это лицо в зеркале... смотреть, как моё лицо меняется прямо на глазах... было так страшно...

Почему?

Я просто взяла и честно во всём призналась этим людям. Так просто рассказала им то, чем никогда бы не поделилась ни с кем в своём родном городке.

Ощущение было такое, будто я только что исторгла из себя зазубренный камень, но в сравнении со страхом, который я испытала тогда, это чувство едва ли стоило внимания.

— Не то, чтобы я... ненавидела это лицо, — продолжила я.

Разумеется, в нём остались следы моих родных черт. Я изначально обладала этой природой, и мои предки всё равно старались воспроизвести её во мне. Честно говоря, прожив с этим лицом десять лет, я не могла сказать наверняка, где исчезали мои прежние черты, а где начинались уже новые.

Возможно, если бы ничего не произошло, я бы всё равно обрела такое лицо. Или, может быть, по мере взросления моё лицо стало бы совершенно другим.

— Но смотреть в зеркало... даже теперь сама мысль об этом меня пугает... словно мною завладел призрак героя, который умер много веков назад...

— Я понимаю. Этого достаточно, — произнёс учитель, и я почувствовала, как его пальцы коснулись моей щеки.

Я осознала, что из моих глаз текли слёзы. С обеспокоенным видом учитель стёр их с моего лица своим платком.

После этого он, будто скучая, вновь взялся за сигару.

— Изменилось... Да, зрелище, несомненно, ужасающее.

Сквозь пелену, застлавшую мои глаза, и дым, поднимающийся от сигары, я не могла разглядеть его лицо.

Капли дождя падали на землю.

Райнес хранила молчание.

Удивительно, но даже Адду нечего было сказать. Несмотря на то, что я раскрыла секрет, о котором знали лишь люди из моего городка и учитель, он не стал надо мной издеваться. Он пытался быть милым со мной? Как бы жалко это ни звучало, он был одним из моих немногих друзей.

Внезапно раздался странный звук.

Всё ещё сжимая сигару, учитель широко распахнул глаза и ударил рукой по коре дерева, к которому он прислонился.

— Стоп, неужели...

— В чём дело, дорогой мой брат? — увидев, как учитель выпучил глаза, Райнес в замешательстве склонила голову вбок.

— Серьёзно?.. Всё действительно так просто? — взяв сигару в рот, он принялся что-то бормотать себе под нос.

Похоже, что он даже не услышал голос своей сестры. Словно поменявшись со мной местами, он полностью погрузился в свои мысли.

— Если дело в этом, тогда расчёты совпадают. Как бы то ни было, это планета, так что сто двадцать градусов – это всё, что им было нужно. Но что касается... нет, на эту проблему уже есть ответ. Они дополняют друг друга в красоте, поэтому уже достигли бы максимального эффекта... Проблема не в сравнении с Перро или Базиле... Нет, здесь всё гораздо более поверхностно...

Он продолжал бормотать, словно внезапно впав в бредовое состояние.

Его лоб вновь покрылся глубокими морщинами от размышлений. Я не могла сказать, что это его выражение лица мне не нравилось. Да, мне, в отличие от той же Райнес, было не по душе смотреть, как другие страдают или становятся жертвой неудач, но я со временем даже полюбила это выражение лица, появлявшееся так внезапно.

Что за зрелище сейчас разворачивалось в его голове?

Мне даже хотелось увидеть это самой.

Хотелось разделить это с ним.

Меня даже с натяжкой нельзя было назвать умной, но если бы я могла хотя бы мельком взглянуть на мир в его голове... у меня было чувство, что одно лишь это могло меня спасти. Может, это и не избавило бы меня от сомнений и не исправило бы мои недостатки, но я бы всё равно восхищалась этим, словно человек, смотрящий на небо, полное звёзд.

Может быть, точно так же, как он с восхищением смотрел на какого-нибудь гения.

— Всё было наоборот!.. — наконец произнёс учитель. — Солнце не олицетворяло что-то другое. Оно означало именно Солнце. Если использовать в качестве символа само Солнце, тогда всё становится гораздо проще. Нет, подождите... Если это правда, тогда...

Учитель вновь стиснул зубы и со стоном скрипнул ими.

Вновь раздался голос, но отличный от того, что слетал с губ моего учителя, поглощённого мыслями.

— Брат мой уважаемый, если ты хочешь просто прыгать с места в карьер и сразу же разбрасываться умозаключениями – пожалуйста, но ты не мог бы уделить немного больше времени нам? Что ты там говорил про Солнце? — сказала наконец Райнес, не в силах больше выносить его бормотание. Резкость тона выдавала её недовольство.

Но учитель, прижав ладонь к лицу, лишь смотрел в небо.

— Тогда это делает возможной наихудшую из вероятностей, не так ли? Почему я не осознал этого раньше? Чем я занимался всё это время?! Если бы я промедлил ещё немного, кто знает, что бы тогда произошло?!

Мне казалось, что я почти могла слышать, как скрипели его зубы.

Учитель наконец повернулся, но не к Райнес, а ко мне.

— Грэй.

— Д-да?

Внезапно услышав своё имя, я напряжённо кивнула. Словно от страха того, что он мог прочесть мои мысли, моё сердце бешено заколотилось. Вероятно, благодаря капюшону он не заметил, как я покраснела.

Но, не обратив на всё это внимания, он просто продолжил:

— У меня есть к тебе одна просьба.

Вернёмся немного назад во времени.

Незадолго до того, как Флат добрался до Лорда Байрона, одна магесса, пребывавшая в Башне Луны, кивнула головой.

— Вот как. Значит, таков твой ход, — негромко пробормотала Аозаки Токо.

Над чашкой с чаем, стоявшей на столе перед ней, поднимался лёгкий пар.

Семья Изельма выделила это место специально для неё, чтобы она могла проводить здесь свои исследования. Сквозь квадратные окна в её комнате она могла видеть тёмные тучи, пытающиеся заполнить вечернее небо. Не то, чтобы она не знала о том, насколько нестабильной бывает погода в приозёрной местности, но даже так изменение было слишком уж радикальным для того, чтобы можно было назвать это природным явлением.

Несмотря на то, что она смотрела на происходящее снаружи, в глазах её отражался вовсе не вид из окна.

Слуга магов. В зависимости от школы магии они могли называться фамильярами, агатионами или, как на Дальнем Востоке, сикигами.

Токо, разумеется, использовала марионетку. Заинтересовавшись слухами об одном маге, который с помощью стальных нитей создавал фамильяров в Четвёртой Войне за Святой Грааль, она сама сделала марионетку из пружин, шестерней и струн.

Впрочем, если взглянуть на неё теперь, она не была похожа на то, что было создано из столь надуманной прихоти. Для Токо создавать марионетку, служившую лишь одной конкретной цели и не обладавшую никакими другими особенностями, было, попросту говоря, скучно.

Облицованные латунью крылья, глаза-рубины – эта марионетка парила над другой башней, близнецом той, где сейчас находилась Токо.

— Ну, это та ещё морока, но услуга есть услуга.

Негромко вздохнув, Токо встала.

Её взгляд тут же устремился вниз и замер на объекте, что ждал своего часа.

Это было нечто простецкое и чрезмерно большое, привезённая ею странная сумка, которая лежала в углу комнаты.